

● Первые маршалы:
С.М.БУДЕННЫЙ

● ГРАНИЦА
В ЦЕНТРЕ
МОСКВЫ

● ЖИЛ И ПЕЛ
ДЛЯ НАС

К 50-летию В. Высоцкого

● ТЕЛЕФОН «ДОВЕРИЯ»
ИЛИ ВЕРНОСТЬ ДОЛГУ?

СОВЕТСКИЙ ВОИН 2 '88

ISSN—0134—8140

ЖИЛ И ШЕЛ ДЛЯ НАС

Владимир Высоцкий...

Время все ярче высвечивает образ этого поистине народного поэта и певца. Сегодня даже те, кто не хотел принимать, не признавал его творчество, кому его песни мешали жить в благоденствии и покое, даже они покорились страстной силе поэтического слова.

О том, кем он был для нас все эти годы, каково значение его стихотворного, песенного, актерского наследия, говорилось и будет говориться...

Присуждение Владимиру Высоцкому Государственной премии СССР — долгожданное высокое признание, оно усилило интерес к его творчеству, к личности.

Об истоках дарования Владимира Высоцкого рассказывает по нашей просьбе его отец Семен Владимирович ВЫСОЦКИЙ.

— Биография каждого человека, в том числе и творческая, начинается с отчего дома. Личная судьба обязательно переплетается с судьбой близких и родных, ибо у семейного древа есть свои непоколебимые законы.

Родился Володя 25 января 1938 года в Москве. Первые годы своего детства жил с матерью — Ниной Максимовной, моей первой женой. Какими были эти годы? Как у всех детей довоенного рождения: коммунальная квартира с множеством соседей, а потому и массой впечатлений, самые скромные игрушки. Затем война. Два года Володя жил с матерью в эвакуации. Хотя я и высылал им свой офицерский аттестат, все равно первые впечатления от жизни сын получил не очень радостные.

Несколько слов скажу о своей родословной, ибо в характере Володи есть некоторые черты его родных. Дед Володи, Владимир Семенович Высоцкий, — образованный человек, имел три высших образования — юридическое, экономическое и химическое. Моя мать — медсестра, косметолог.

От меня сын перенял характер, внешнее сходство и походку. А наши голоса при разговоре по телефону путали даже самые близкие родные и друзья.

Кроме того, в молодости я немного занимался игрой на фортепиано, но дальше азов не пошел. А вот петь песни, например, Вертинского, Дунаевского и другие популярные в народе мелодии очень любил.

Много лет спустя в одном из эпизодов фильма «Место встречи изменить нельзя» Володя спел песню Вертинского точно в моей манере, потом допытывался, узнал ли я себя. Узнал конечно.

Сам я родом из Киева. В Москве, где учился в политехникуме связи, прошел курс вневойсковой военной подготовки, получил звание младшего лейтенанта. В марте 1941 года был призван на военную службу. Войну прошел с первого дня и до последнего выстрела. Участвовал в обороне Москвы, освобождении Донбасса, Львова, взятии Берлина, дошел до

Праги. Имею более двадцати орденов и медалей Советского Союза и Чехословакии, почетный гражданин города Кладно в ЧССР.

После войны заочно окончил Военную академию связи имени С. М. Буденного, служил в различных гарнизонах. В отставку ушел в звании полковника. Сейчас работаю на предприятии Министерства связи.

Война разлучила нас с сыном на долгих четыре года. Встретились мы в июне 1945-го в Москве, куда я прибыл в составе сводного полка 1-го Украинского фронта с командующим армией генералом Д. Д. Лелюшенко на время подготовки и проведения Парада Победы. Тогда-то я и подарил Володе свои майорские погоны. Этот факт преломился у него позже в «Валладе о детстве» в словах: «Взял у отца на станции погоны, словно «цапки», я...»

И снова расставание. Жизнь у нас с Ниной Максимовной не сложилась.

Евгения Степановна Высоцкая-Лихалатова, моя вторая жена, стала для Володи на многие годы второй матерью.

Сын переехал к нам жить в январе 1947 года. Служил я в то время в Германии в городе Эберсвальде. Дома не бывал порой неделями: ученья, занятия в поле... Так что воспитанием Володи почти полностью занималась Евгения Степановна. Они с первых дней нашли общий язык, полюбили друг друга, чему я был рад.

В чем-то она, как мать, и потакала ему. Например, загорелось Володе заиметь «костюм, как у папы», и чтоб обязательно сапоги хромовые с тупым носком... Жена обегала несколько ателье, пока нашла мастера, обувщика. Наконец форма была готова. Володя взял свои сапоги, поставил рядом с моими, сравнил. И когда увидел, что они совершенно одинаковые, радости не было предела. Он и фотографироваться пошел с охотой.

Но уже в те годы у Володи стал проявляться характер. Евгения Степановна вспоминает, как я принес с охоты зайца. «Зачем папа это сделал?» — спросил сын у нее. Ни я, ни жена не придали этому вопросу особого значения. В другой раз Евгения Степановна утеплела Володе ботиночки мехом убитой на охоте серны. Носить он их не стал, устроив настоящий бунт: «Жмет... Колет... Жжет пятку...» Пришлось подарить ботинки соседскому мальчику...

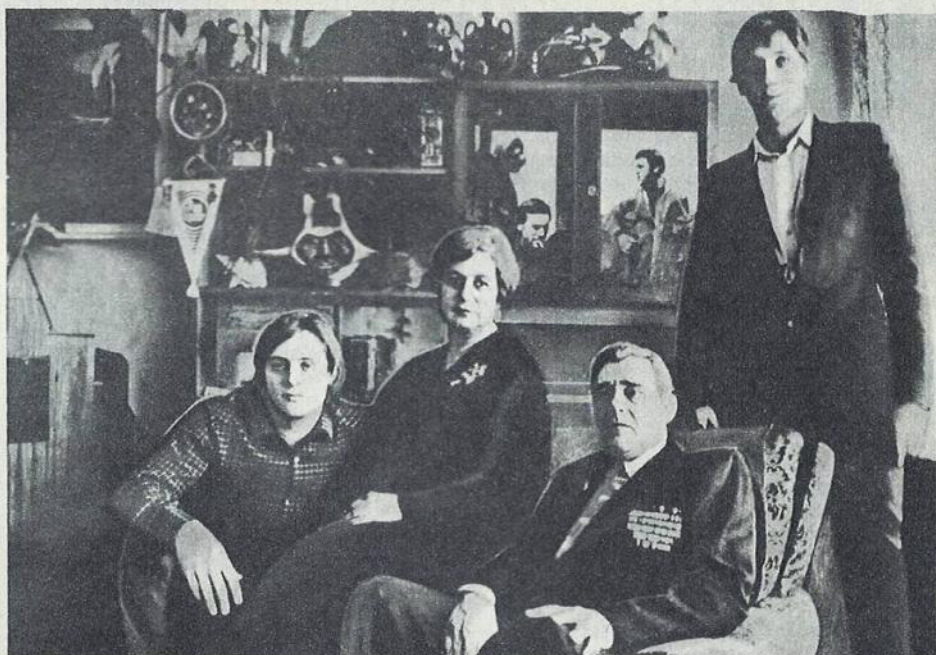
Отличался ли Володя от других детей? Нет. Разве что был более непоседлив, бесстрашен, а потому, как правило, заводилой и в играх, и в проказах. Приходил он домой с ободранными коленками, и было понятно, что играли в войну. Обожженные брови и копоть на лице доказывали, что не обошлось без взрыва то ли гранаты, то ли патронов.

Плавать Володя научился рано. И речку Финов, которая была тогда не полностью очищена от мин и снарядов, переплывал по несколько раз.

Мне и жене очень хотелось научить сына игре на фортепиано. Пригла-

- Форма, как у папы... Г. Эберсвальде, ГДР. 1947 г.
- Евгения Степановна Высоцкая-Лихалатова, Володя, Семен Владимирович. Г. Эберсвальде, ГДР. 1948 г.

- В квартире Владимира Высоцкого. Слева направо: Аркадий, Евгения Степановна, Семен Владимирович, Никита. 25 января 1985 г.

Фото из архива С. В. ВЫСОЦКОГО.

сили учителя музыки. По его словам, музыкальный слух у сына был абсолютный. Но улица прямо-таки манила Володю. Тогда Евгения Степановна пошла на хитрость: и сама стала учиться музыке, вызвала Володю как бы на соревнование. И сын стал меньше шалить, посерьезнел.

Уже в детстве в его характере ярко проявилась доброта. Мы купили ему велосипед. Он покатался немного и вдруг подарил его немецкому мальчику, объяснив: «Ты у меня живой, а у него нет папы...» Что тут было сказать...

Эта черта сохранилась в сыне на всю жизнь. Уже будучи взрослым, разъезжая по стране или бывая за границей, он привозил массу подарков родным, друзьям. А если подарков не хватало, отдавал то, что было куплено себе. Любил радовать людей, делать им приятное.

В то же время с детства не терпел несправедливость, равнодушие людское, буквально лез на рожон, если видел, что обижают слабого. Не раз приходил с синяками из-за этого. Однажды он отдыхал на даче в деревне Плоты на Днестре вместе с Виталием — сынишкой племянницы моей жены. Виталий заболел — у него поднялась температура. Рядом отдыхала семья, оба врача. Посмотреть больного они отказались: мы, мол, на отдыхе. Володя «отомстил» им за это. Когда те вечером сели пить чай у открытых окон, он залез рядом на дерево и заулюлюкал, как Тарзан...

Володя очень рано полюбил книгу. Читал днем, тайком ночью под одеялом, света себе фонариком... Любил пересказывать прочитанное друзьям. Память у него была блестящая. Мог с одного прочтения запомнить стихотворение. За какой-то час вы-

учивал поэму. В школе учился хорошо, но не очень ровно.

О детстве Володи я столь подробно говорю потому, что именно в этот период формировалось его мировоззрение, понимание жизни, которое сказалось потом прямо или косвенно на его творчестве. Например, у сына много песен на военную тему. И что интересно, фронтовики признают автора своим, будто он ходил в атаку, сбивал «мессеры»...

Откуда столь подробное знание деталей военного быта, столь глубокое проникновение в героiku и трагизм войны? Сам Володя говорил, что эта тема в его стихах и песнях подсказана не только воображением, а жизнью, рассказами фронтовиков. Кто же они, эти люди?

Считаю, серьезный интерес к военным событиям пробудил в Володе мой брат — Алексей Владимирович Высоцкий. На его груди семь орденов, из них три — Красного Знамени. При каждой встрече сын буквально ни на шаг не отходил от «яди Леша»...

В Германии и потом в Москве к нам приходили мои друзья. О чем вспоминают фронтовики, собравшись, надо ли говорить... Сын слушал наши беседы серьезно, вдумчиво. Потом цеплялся с вопросами к «дяде Коле», «дяде Лене», «дяде Феде», «дяде Саше»...

Одному из них, ныне маршалу авиации дважды Герою Советского Союза Николаю Михайловичу Скоморохову, Володя посвятил «Балладу о погибшем летчике». Рассказы Леонида Сергеевича Сапкова — ныне генерал-полковника в отставке, генерал-лейтенанта Федора Михайловича Бондаренко, погибшего уже в мирное время, умерших недавно генерал-полковника Александра Петровича Борисова и полковника Николая Михайловича Зернова тоже нашли свое отображение в песнях. И мои разговоры с сыном о войне и военной жизни, думается, не прошли для него бесследно.

Тяга к творчеству, к сочинительству у Володи появилась, на мой взгляд, когда он учился в старших классах, уже в Москве.

Из Германии в Москву жена с Володей переехали в 1949 году (я до 1953 года служил в Киевском военном округе). Сначала у нас была одна комната, потом прибавилась вторая, в этой же коммунальной квартире. Жили в Большом Каретном переулке, теперь улица Ермоловой, в районе Самотеки, или Самотечной площади...

Где твои семнадцать лет? —

На Большом Каретном.

А где твои семнадцать бед? —

На Большом Каретном.

А где твой черный пистолет? —

На Большом Каретном...

«Черный пистолет» — это мой трофейный «вальтер» с рассверленным и залитым свинцом стволом. Володя как-то его обнаружил и играл «в войну» до тех пор, пока Евгения Степановна не выбросила пистолет.

Большой Каретный Володя не забывал никогда. Здесь прошли годы

отрочества, здесь он познал жизнь двора, подсмотрел многих героев своих песен, особенно ранних.

А толчком к творчеству, думается, явились все же природный талант и книги. Круг интересов его был широк. То он читал историческую литературу, то русских и зарубежных классиков. В десятом классе начал посещать драмкружок в Доме учителя. Руководил кружком артист МХАТа В. И. Богомолов, который и заметил у Володи актерские способности.

Мы тогда, признаться, не думали, что Володя станет артистом, хотели, чтобы сын стал инженером. И он, видно поддавшись родительскому влиянию, поступил в Московский инженерно-строительный институт. Легко сдал первую экзаменационную сессию и, к нашему огорчению, бросил учебу.

Это позднее стало понятно, что не все мы тогда рассмотрели в его душе. Володя сам выбрал свою дорогу, свою крутую жизненную тропу, поступив в школу-студию МХАТа. И шел к своей мечте одержимо, целеустремленно: «Я вышел ростом и лицом — спасибо матери с отцом. С людьми в ладу — не понулкал, не помыкал, спины не гнул — прямым ходил, и в ус не дул, и жил как жил, и голове своей руками помогал...»

Он серьезно увлекался искусством: собрал много альбомов с репродукциями известных художников. Когда работал над ролями в кино, ходил учиться верховой езде на московский ипподром. Занимался боксом, фехтованием, изучил основы карате. Его разносторонние интересы помогли ему в будущем на съемках фильмов обходиться без каскадеров, а в песенном творчестве правдиво показывать характер и судьбы людей.

В детстве у Володи со здоровьем было не все гладко. Врачи обнаружили шумы в сердце... Хотя в 16 лет они и сняли его с учета, но посоветовали беречь себя, уходить от лишних волнений.

Это с его-то характером прятаться в окопе? Да он первым выбрасывался на бруствер и шел против пуль равнодушия, косности и чванства, бюрократизма... Боролся против этих пороков своими песнями, своими ролями в кино и театре. «Он не вернулся из боя» есть у Володи песня. Не вернулся...

Я прошел войну, всякое видел. И могу сказать, что сын был храбрее меня, своего отца. И храбрее, мужественнее многих из нас. Почему? Да потому, что и я, и все мы видели и недостатки, и несправедливость, и чванство людей, нередко высокопоставленных. Но молчали. Если и говорили, то в застолье да в кбидорах между собой.

А он не боялся сказать об этом всем. И не с надрывом, а на пределе голоса и сердца. Я не кинокритик и не искусствовед, но знаю, что внешний эффект, поза не были присущи поэту, певцу и артисту Высоцкому. И главным в своей жизни и своем творчестве он считал честность и мужество, был настоящим

патриотом Родины.

Поэтому я всегда любил песни Володи. Не признавал ни слухов о нем, ни чужого мнения.

После 1970 года, когда Марина Влади уезжала из Москвы и Володя оставался дома один, он вместе со своим другом Всеволодом Абдуловым и товарищами-партнерами по театру драмы и комедии на Таганке Валерием Золотухиным, Борисом Хмельницким, Вениамином Смеховым и другими приезжали к нам домой на улицу Кирова, чтобы отдохнуть, поужинать после трудного вечера.

Евгения Степановна и я очень любили эти посещения — мы слушали их споры, беседы о жизни театра, а иногда и новые песни, которые пел Володя. Например, у нас была исполнена новая песня «Баллада о брошенном корабле».

Когда Марина была в Москве, они с Володей довольно часто бывали у нас, а одно время даже недолго жили вместе с ее сыновьями (в новой квартире Володи на Малой Грузинской шел ремонт).

Володя очень внимательно относился к родителям, особенно, если кто-то из нас болел. Был такой случай: мне сделали серьезную операцию, и пока она длилась, сын находился в больнице, а Евгении Степановне, чтоб она не волновалась, позвонил лишь тогда, когда опасность миновала. Проснувшись после операции, я увидел около кровати Володю и врача. На мой вопрос, когда же операция, Володя улыбнулся:

— Палочка, поезд уже ушел, все нормально, а тебе сейчас надо спать.

Я с удовольствием воспользовался добрым советом сына и опять уснул...

Результат его короткой, но непростой жизни, его одержимого труда — в какой-то степени в наших сегодняшних днях, в том, что мы называем теперь гласностью и демократизацией общества. Его наследие... Когда мы готовили к изданию первый сборник стихов «Нерв», то насчитали свыше шестисот стихотворений. Возможно, их отыщется больше. Оставшиеся у меня автографы Володи я передал в ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства в Москве. Там хранится весь его архив.

Горе наше не залечит никакое время. Утешает официальное признание творчества сына, всеобщая любовь к нему. И еще отрадно, что у Володи выросли два прекрасных сына. Они тоже люди творческих профессий. Старший — Аркадий, студент ВГИКа, младший — Никита, пошел по стопам отца — окончил театральную студию МХАТа. Он недавно вернулся из армии и работает в театре «Современник» в молодежной студии («Современник-2»). У них растут дети: у Аркадия — шестилетняя дочь Наташа и трехлетний сын Владимир, а у Никиты — сын Семен, которому год от роду. И я верю, что они будут достойны памяти отца, а теперь и деда.

Так что жизнь продолжается...

Записал подполковник
А. КЛЮЧЕНКОВ